

«В ЕЛИКОЕ огорчение моей жизни в том, что я всегда ничего не значил во французской литературе».

Эти слова старый человек сказал, опустив голову, в его теплом, бодром голосе прозвучала печальная нотка. «Я ничего не значу во французской литературе», — повторил он. Кто же этот человек с опущенной головой, с грустной интонацией в живом голосе? Жалкий автор дешевых, но популярных романов-фельетонов для бульварной прессы, безвестный писак, который бессовестно утверждает, что считает собственное перо орудием добывания денег, а славе и чести предпочитает солидный счет в конторе по выплате авторских прав «Общества литераторов»? Нет. Сколько странным и чудовищным это ни покажется, человек этот — не кто иной, как Жюль Верн. Да, Жюль Верн — ваш и мой Жюль Верн, который уже много лет очаровывает весь мир и будет очаровывать грядущие поколения читателей.

Мэтр произнес эти слова в прохладной аудитории Промышленного общества Амьена, произнес с печалью, которой мне не забыть никогда. Он словно признавал свою жизнь загубленной, говорил о старческом горе, которому уже ничем не можешь. Мне было очень больно слышать подобное от Жюль Верна, и в ответ я лишь мог с искренним восторгом возразить, что для меня и миллионов людей он — великий мэтр, предмет нашего безусловного восхищения и уважения, романист, который чарует нас сильнее всех остальных романистов. Однако он, покачивая седой головой, ответил: «Я ничего не значу во французской литературе».

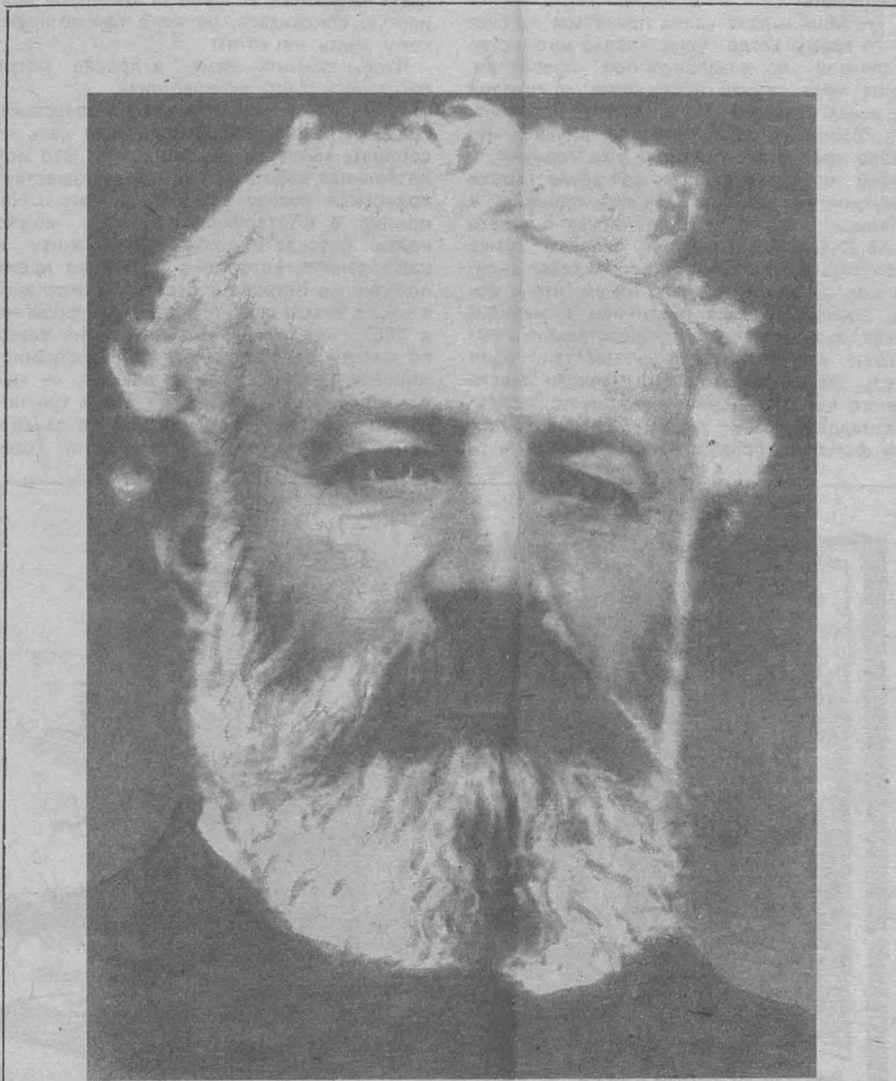
Несмотря на свои шестьдесят шесть лет, он по-прежнему крепок и бодр, если не обращать внимания на его хромоту; лицом он очень похож на Виктора Гюго; Жюль Верн — словно добрый и полный жизни старый капитан с обветренным лицом. У него несколько тяжелых веки, хотя взгляд решителен и ясен; весь он лучится добротой и любезностью, которые неизменно отличают этого человека, о ком Гектор Мало¹ несколько лет тому назад написал: «Он — самый лучший из лучших моих друзей». У Жюль Верна — его как брата любит холодный и чопорный Александр Дюма-сын — никогда не было и нет ни одного настоящего врага, невзирая на его блестящий успех. К сожалению, Верну доставляет немало хлопот здоровье. В последнее время ухудшилось зрение, и иногда Жюль Верну трудно писать; бывают дни, когда его терзают боли в желудке. Однако он бодр, как никогда.

— Я написал шестьдесят шесть томов, — говорит он, — и, если Господь продлит мне жизнь, доберусь до восьмидесяти.

Жюль Верн живет в Амьене на бульваре Лонгвилль — угол улицы Шарль-Дюбуа — в красивом и просторном доме, который он снимает. Из окон, смотрящих на бульвар Лонгвилль, открывается великолепный вид на живописный, но часто окутанный туманом Амьен, городской собор и другие древние здания. Перед домом, по ту сторону бульвара, прямо под окном рабочего кабинета Верна, проходят железнодорожные пути, которые закрывает городской сад, где высится большой музыкальный павильон: там погожими днями играет военный духовой оркестр. Подобное соседство, на мой взгляд, представляет собой олицетворение творчества этого великого писателя: в нем сочетаются поезд, несущий гул и грохот сверхсовременности, и звуки музыки. И разве не благодаря этой связи науки и промышленности со всем тем, что есть в жизни самого романтического, романы Верна обладают оригинальностью, которой не отыщешь ни у кого из живущих ныне писателей, даже тех, кому принадлежит во французской литературе самое выдающееся место?

Высокая стена тянется вдоль улицы Шарль-Дюбуа, скрывая от взгляда проходной двор и сад дома Жюль Верна. Визитер попадает в гостиную не через дверь, а через веранду, наполненную цветами и пальмами. Это богато обставленная комната, с мраморными и бронзовыми статуями, с уютной и пышной тканой обивкой, с очень удобными креслами — комната человека состоятельного и располагающего досугом, но без вызывающей роскоши. Со двора гость может видеть на углу дома высокую башню. На верхние этажи башни ведет внутренняя витая лестница, а на самом верху располагаются личные владения господина Верна. Коридор, устланный красным ковром, увешан по стенам морскими и прочими картинами; он выводит в угловую комнату, всю обстановку которой составляет складная походная кровать. У окна-эркера стоит столик, где аккуратно сложены стопки бумаги. На верхней полке небольшого шкафа на две статуэтки — бюсты Мольера и Шекспира, а над ними акварель, изображающая вход паровой яхты в Неаполитан-

При жизни Жюль Верн весьма неохотно говорил о себе и своем творчестве: писатель был полностью поглощен работой. Недавно французский литературовед Даниель Компер — он подготовил к печати книгу «Жюль Верн-писатель» — собрал несколько интервью, которые автор «Детей капитана Гранта» дал журналистам из Соединенных Штатов. Осенью 1893 года Жюль Верн посетил в Амьене американский публицист Роберт Шерард. Свою беседу с Жюлем Верном он опубликовал в январе 1894 года в журнале «Макльерс Мэгзин» под названием «Жюль Верн у себя дома. Он рассказывает о своей жизни и творчестве». В октябре прошлого года парижский журнал «Магазин литерер» напечатал французский перевод этой беседы. Вниманию читателей «Литературной России» предлагается ее перевод на русский язык с незначительными сокращениями.

Жюль ВЕРН

«Я-ХУДОЖНИК...»

ский залив. Именно в этой комнате Жюль Верн работает, в большой соседней зале находится богатейшая библиотека; книжные полки высятся от пола до потолка.

Господин Жюль Верн рассказывает о своем методе работы:

— Каждое утро я встаю чуть раньше пяти, зимой, наверное, чуть позже, а в пять сажусь за письменный стол и работаю до одиннадцати. Работаю я очень медленно и с величайшим усердием переделываю каждую фразу до тех пор, пока не добьюсь желаемой мною формы. В голове я всегда держу наготове замыслы десяти романов, проработав их сюжеты и фабулы, так что, если Бог продлит мне жизнь, то смогу без труда закончить те восемьдесят романов, о которых вам говорил. Но больше всего времени я провожу над гранками. До сегоднешнего оттистка я никогда не бываю доволен, правлю и правлю до тех пор, пока в последнем оттистке едва можно будет заметить следы оригинальной рукописи. Это предполагает большие жертвы из «моего кармана», а также трату времени, но я всегда тщательно шлифовал форму и стиль, хотя никто ни разу не воздал мне за это должного.

Я просил господина Верна рассказать о его жизни и работе; он ответил, что сообщит мне такие вещи, о которых раньше никогда не говорил. Мой первый вопрос касался его молодости, его семьи.

— Я родился в Нанте 8 февраля 1828 года, следовательно, сейчас мне идет шестьдесят шестой год, и лучше расспрашивать меня о старческих впечатлениях, нежели детских воспоминаниях. Мы были очень счастливой семьей. Наш отец, чудесный человек, был прирожденным парижанином, точнее, парижанином по соб-

ственной воле, ибо родился он в Ла Бри, а вырос в Париже, где закончил университет и получил диплом адвоката. Моя мать из Нижней Бретани, из Морля; это значит, что во мне течет и бретонская, и парижская кровь.

Эти подробности интересны с психологической точки зрения и помогают понять личность Жюль Верна, который соединяет в себе любовь к одиночеству, религиозность и преклонение бретонца перед морем с веселостью, «умением жить» и радостным жизнеощущением завсегдатая Парижских бульваров: «Это бульвардье до кончиков ногтей», — писал о нем Кларети².

— У меня была очень счастливая юность. Мой отец был в Нанте поверенным и адвокатом, занимал солидное положение. Он был человеком образованным, не без склонностей к литературе. Он писал песни в то время — между 1830 и 1840 годом, — когда их еще писали во Франции. Но у него не было честолюбия, хотя он стал известен благодаря своим сочинениям, которые сам отобрал для печати; он избегал известности. Его песни мы пели в семье; опубликованы из них очень немногие. Мы старались быть счастливыми в жизни и спокойно исполнять свою работу. Отец мой умер в 1871 году в возрасте семидесяти трех лет. Как видите, он мог бы сказать: «Мне было два года, когда родился век», чтобы не повторять знаменитой строчки Виктора Гюго по поводу даты его рождения. Моя мать умерла в 1885 году³, оставив после себя тридцать два внука, а если подсчитать двоюродных и троюродных братьев

и сестер, то потомство ее составит девяносто семь человек. Она родила двух мальчиков и трех девочек, и все они здравствуют по сей день. Мужчины и женщины в Бретани крепко скроены.

Писать я начал в двенадцать лет. Писал исключительно стихи, ужасные стихи. Но я вспоминаю о сочиненном мною к дню рождения отца адресе — у нас во Франции это называют «комплимент», — который сочли весьма недурным; меня так пылко поздравляли, что я чувствовал себя на седьмом небе. Я также помню, как корпел тогда над своими сочинениями, без конца переписывая и правя их, хотя никогда не был по-настоящему доволен собой.

Предполагаю, что в моей любви к приключениям и морю можно видеть исток того, что спустя годы будет определять мои писательские склонности. Мой тогдашний метод работы и остался у меня на всю жизнь. Не думаю, что хоть однажды в жизни я делал какую-либо работу спустя рукава.

Нет, утверждать, что меня особенно увлекает наука, не могу. По правде говоря, я никогда наукой не увлекался, то есть не получил научного образования, даже не ставил никаких опытов. Но, будучи юношей, я обожал наблюдать расоту машины. У моего отца был загородный дом в Шантене, в устье Луары, а рядом находился принадлежащий государству завод Эндре. Всегда, приезжая в Шантене, я заходил на завод и стоял, часами глядя, как работают машины. Склонность эта осталась у меня на всю жизнь, и сегодня я, глядя на паровую машину или мчащийся прекрасный локомотив, испытываю такое же удовольствие, как от созерцания картины Рафаэля или Корреджо.

Я учился в Нантском лицее, где пробыл до класса риторики; потом меня послали в Париж изучать право. Любимым моим предметом всегда была география, хотя в Париже я был целиком поглощен собственными литературными замыслами. Я находился под все подавляющим влиянием Виктора Гюго, со страстью читая и перечитывая его произведения. Тогда я знал наизусть целые страницы из «Собора Парижской Богоматери», но сильнее всего на меня повлияли пьесы Гюго; именно под их воздействием я и сочинил в семнадцать лет несколько трагедий и комедий, не считая романов. Например, написал пятиактную трагедию в стихах, озаглавленную «Александр VI»; это — о папе Римском Борджа. Другой стихотворной трагедией, написанной в то время, был «Пороховой заговор» с Ги Фоксом в качестве героя. «Драма при Людовике XV» — еще одна трагедия в стихах, а пятиактной комедией оказались «Сегодняшние счастливицы». Вся эта работа делалась с величайшим тщанием, с постоянной заботой о стиле. Я всегда много работал над стилем, хотя это никогда не признавалось.

Я приехал студентом в Париж как раз в тот момент, когда гризетки и все, что с ними связано, исчезали из Латинского квартала. Не могу сказать, что я не вылезал из мебелишек, где жили мои товарищи по университету, так как вы знаете, что мы, бретонцы, народ клановый, а почти все мои друзья были однокашниками из Нанта, приехавшими в Парижский университет одновременно со мной. Почти все были музыкантами, и в тот период жизни я тоже был им. Я понимал гармонию и думаю, что, выбрав карьеру музыканта, добился бы успеха с меньшими трудностями, чем в любых других областях. Виктор Массе³ принадлежал к моим студенческим друзьям, как и Делиб⁴, с которым я был очень близок. Мы с ним были «на ты». Вот какие друзья появились у меня в Париже. Среди моих друзей-бретонцев был и Аристид Иньяр, композитор, который, хотя и получил вторую Римскую премию, так и не добился славы. Мы работали вместе. Я писал слова, он — музыку. Мы сочинили пару оперетт, которые были поставлены, и слагали песни.

Но человек, к которому я питаю чувства безмерной благодарности и любви, это Александр Дюма-сын, с ним я встретился, когда мне было двадцать один год. Мы сразу же подружились. Он первый поддержал меня. Я бы даже сказал, что он был моим первым покровителем. Теперь я редко с ним вижусь, но до конца дней я не забуду его доброты и всего, чем ему обязан. Он познакомил меня с отцом; мы были соавторами. Мы вместе написали пьесу «Сломанные соломинки», поставленную в театре «Жимназ», и комедию в трех актах «Одиннадцать дней осады», которую играли в театре «Водевиль». Тогда я жил на маленькое пособие, присылаемое мне отцом, и мечтал о бо-

* Ж. Верн ошибается. Его мать умерла в 1887 году.

